

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2005

Иллюстрации: Александр Еремин

[Рассказ опубликован в журнале «Мир Фантастики» №17 \(январь 2005 года\)](#)

Седьмой

Кирка со звоном вонзилась в скользкий, неподатливый камень, высекая фейерверк искр, которые будто не испускали свет, а наоборот — поглощали его, стараясь вобрать в себя, чтобы продолжить свое существование. Поэтому после взгляда на эти искры перед глазами было темно, хотя огонь масляной лампы горел все так же ярко. Гном отвернулся. Искры погасли, коснувшись плит пола. Было тихо, лишь потрескивал маленький, мечущийся бледно-желтый огонек, тщательно вылизывая намащенный фитиль.

Разгладив длинную серую бороду, гном присел отдохнуть на каменную ступень, и, вдыхая полной грудью переполненный серой воздух подземелья, скрутил толстыми пальцами бумажку, пропитавшуюся потом его ладоней, предварительно насыпав на нее пахучего курева. Порывшись в кармане, он достал блестящую в полумраке зажигалку, два раза щелкнул, высекая огонь и проклиная стершийся кремль. На третий раз тонкий палец огня обхватил сжатую в зубах карлика самокрутку, воспламеняя ее. Гном быстро локализовал огонь, сведя его к мерному тлению — не было нужды портить себе удовольствие.

Кирка, брошенная и забытая, висела в стене над его головой. Смотреть вверх он не хотел — огромный провал шурфа, и кусочек звездного неба всякий раз вызывали в подземном проходце чувство головокружения.

Окутанный клубами белого дыма, гном смотрел на подкованные железом носки своих сапог, не желая поднимать взгляда, чтобы не наткнуться на издевательский плакат «настоящие гномы курят лишь трубочное зелье», висевший на другом конце коридора. Он и курил настоящее трубочное зелье, только не из дубовой трубки с золотым мундштуком, а варварски скрутив драгоценное топливо в засаленную бумажку салфетки, которую он прикарманил вчера за ужином.

Докурив самокрутку, гном сплюнул ее на землю и затушил сапогом. Ему еще влетит за это, когда его проделка обнаружится, но гному было все равно. Звездное небо, далекое и манящее, смотрело на него свысока.

...В душевой он остался наедине с собой, без таких неприятных посредников, как мятый комбинезон, перепачканный пятнами грязи, пропахшее потом белье и погнутая шахтерская каска, лампочка на которой перегорела два года назад.

Включив горячую воду, он уткнулся лбом в кафель, глядя, как по его синей глади сбегает зеркальные червячки брызг.

Он вышел из тесной кабинки окутанный клубами пара, шлепая мокрыми босыми ногами по холодному полу. В другом конце зала зазвонил телефон, гном, быстро семеня короткими ногами, подошел к нему и снял трубку.

— Да? — спросил он немного хриловатым от частого куренья голосом. Из трубки донеслось ворчание, как будто кто-то мял фантик от конфеты, потом раздался противный женский голос. Гном поморщился и ответил. — Нет. Буду поздно. Почему нет? Нет и все! Черти...

Он бросил трубку, и, усевшись на пол, обхватил голову руками.

«Дьявол! Почему опять я! Клянусь всеми тайнами глубин подгорных, эта чертовка зашла слишком далеко!»

Телефон зазвонил еще раз, гном подскочил и с размаху шарахнул аппарат о стену, наслаждаясь треском и короткими гудками, которые зазвучали из динамика, торчащего в сломанном пластмассовом корпусе.

Он вернулся к шкафчикам, открыл дверцу, взял чистый комбинезон и натянул его, не переставая ворчать. Расписавшись в учетной книге, гном забрал свой чемоданчик и зашел в лифт. Лифт был старинный, напоминающий о временах, когда телефоны были сделаны из железа, со смешными латунными трубками. Чтобы сломать такой телефон, нужно было пару раз ударить его кувалдой, а не просто бросить на пол. Гном порадовался тому, что те далекие времена уже прошли, и нажал кнопку с цифрой ноль. Кнопка была грязная, раздавленная многократными нажатиями.

Железные решетки на дверях лифта с грохотом защелкнулись и чудовищный аппарат начал движение. Гном уселся на свой чемодан и начал терпеливо ждать...

К сожалению, старые лифты помимо дурацких решеток и прожженных плексигласовых кнопок обладали еще одной идиотской особенностью: останавливаться на каждом этаже. Эдакая лифтовая модель демократии... Гном, скрипя зубами, наблюдал, как толпа пассажиров ломится в его лифт, возбужденно переговариваясь, толкаясь локтями и не проявляя никакого уважения к его бородатой персоне.

Шахтер терпел эти издевательства целых два этажа, после чего, тяжело вздохнув, полез в карман и вытащил бумажную салфетку, родную сестру той, которую он стащил в столовой сегодня утром. Насыпав на нее

трубочного зелья, он осторожно скрутил бумажку, рассыпав все же немало курева из-за постоянных пинков и тычков. Закончив эту магическую процедуру, гном поднял голову и довольно усмехнулся, не увидев на потолке привычного белого кружочка пожарной сигнализации. Два раза чиркнув зажигалкой, он прикурил самокрутку и гордо поднял голову, пожевывая сигарету зубами и вдыхая ароматный дым.

Ясное дело, другие пассажиры закашлялись и стали требовать затушить сигарету. Он злобно усмехнулся, держа оружие борьбы с лифтовой демократией в уголке губ, и скрестил руки на груди, не вставая со своего чемоданчика.

Никто не пожелал проверить силы в споре с подземным гномом, зато на следующем этаже вся толпа, как по команде, покинула лифт, оставив отстоявшего таким образом свое достоинство гнома в гордом одиночестве. Вернее, оставив бы, если бы не один факт. В том время как все остальные пассажиры покинули лифт, один смельчак, напротив, шагнул в клубы белого дыма и стал рядом с блаженствующим гномом.

— Добрый вечер, — спокойно сказал пассажир и протянул гному руку.

Недоуменный шахтер пожал ее, раздумывая над тем, как незнакомец выдерживает едкий дым трубочного зелья, ведь даже ему, гному, приходилось то и дело утирать слезы. Рука незнакомца оказалось тонкой и крепкой.

Преисполненный любопытства, гном затушил сигаретку и бросил ее на пол лифта, затаптывая подкованными железом сапогами. Дым рассеялся, и он оказался лицом к лицу со своим попутчиком: высоким стройным эльфом, одетым в черный деловой костюм, застегнутый на все медные пуговицы до самого воротника. В левой руке эльф держал черный чемоданчик — точь-в-точь такой же, как у самого гнома.

— Добрый... — согласился гном, отпуская руку эльфа.

Теперь стало ясно, как тот выдерживал едкий дым. Эльфы слыли большими доками в травах и трубочное зелье любили покурить не меньше гномов.

Эльф улыбнулся, продемонстрировав все тридцать шесть своих белоснежных зубов. При этом гном вспомнил, как на досуге размышлял — зачем остроухим так много зубов? Траву ими жевать удобнее, что ли?

— «Настоящие гномы курят лишь трубочное зелье»? — эльф процитировал рекламный слоган, выразительно глядя на раздавленную самокрутку, все еще подающую признаки жизни.

— Я и курил трубочное зелье, — пробурчал гном, добывая сигарету, — просто трубка треснула...

— А-а... — понимающе протянул эльф и отработанным движением ловко открыл чемодан, достав оттуда две трубки — дубовые, с золотыми мундштуками и плавным изгибом посередине. Как раз такие, о которых мечтал гном.

«Коммивояжер!» — с отвращением подумал шахтер и презрительно сплюнул.

— Прошу, — сказал эльф, протягивая гному одну из трубок.

— Ничего не покупаю, — громко и отчетливо произнес тот.

— Ничего не продаю, — не менее выразительно сообщил эльф и усмехнулся еще шире, чем в прошлый раз. — Во всяком случае, в свободное время. Меня зовут Элет. Из отдела маркетинга.

«Оно и видно...» — подумал гном.

— Севент. Шахтер, — буркнул он и взял предложенную трубку, гадая, что этому эльфу надо.

— Интересное имя, — заметил эльф, усаживаясь на свой чемодан по примеру гнома.

Лифт не спеша полз, позвякивая решеткой.

— Имя как имя, — пробурчал гном, вертя трубку в руках.

Элет пожал плечами и вытащил из кармана пакетик с зельем.

— Не желаете? — предложил он. — Хорошее, энмерское. Такое собирают только самые прекрасные девушки мира. Такова политика компании.

— Не покупаю...

— О, черт, да бросьте вы это!

Эльф выхватил из рук гнома трубку и, набив ее своим топливом, протянув назад, после чего занялся своей трубкой. Гном недоуменно принялся — вроде все в порядке... Тем временем Элет, вытащив из кармана пиджака эмалированную зажигалку в виде цветка розы, раскурил свою трубку.

«Ох уж эти эльфы, не могут без выкрутасов...» — подумал гном, глядя на цветочную зажигалку.

Севент, как и положено настоящему шахтеру, разжег свою трубку старым добрым медным прямоугольником. Неизвестно, что подумал Элет, но зажигалку гнома он разглядывал с не меньшим интересом, чем Севент — огненную розу эльфа.

Когда кабинка неспешно поднимающегося лифта наполнилась белым дымом и обстановка стала располагающей к беседе, гном оторвался от трубки и произнес:

— Я ни в чем никого не упрекаю, но повторяю еще раз — я ничего не покупаю!

Эльф мелодично рассмеялся и дружески толкнул гнома плечом, едва не скинув его с чемодана.

— Севент, — сказал он, — я уже говорил, что не работаю в свободное время. У меня нет никакого желания тебе что-то продавать. Не бойся, требовать деньги за трубку и зелье я тоже не буду — можешь оставить себе. Я хочу стать твоим другом. Я недавно работаю в Корпорации, а заводить друзей в своем отделе запрещено. Такова политика компании.

Гном уже собирался усомниться в искренности намерений своего друга, как вдруг лифт резко остановился и скрипнул дверями. Новая волна

любителей лифтовой демократии уже собралась ринуться внутрь, но, натолкнувшись на стену белого дыма, поспешно отступила назад.

Элет усмехнулся и встал, поднимая чемодан.

— Пойдем со мной, — предложил он.

Севент протер слезящиеся глаза и непонимающе уставился на эльфа.

— Куда?

— В столовую. Думаю сейчас самое время хорошо поужинать.

— Угу, только у меня денег нет.

— Ты это брось, Севент. Ты теперь мой друг и я тебе одолжу.

«Нет. Так не бывает. Этот остроухий что-то задумал, клянусь всеми тайнами подземных глубин!»

...В столовой его ждал неприятный сюрприз: на всю стену вывесили новый плакат. Вместо оптимистического «Сытый работник — хороший работник» на него пялилась улыбающаяся глава Корпорации, под лицом которой было большими буквами написано: «Ты нужен Корпорации здоровым и сытым!».

«Сволочь, — подумал Севент, отводя взгляд, — тварь».

Усевшись за крайний столик, так, чтобы не видеть плаката, он дипломатично заказал пиво с гамбургером. Элет начеркал в меню целую гору салатов. Эльф он и есть эльф.

— В этот раз твое «я-ничего-не-покупаю» не пройдет, — предупредил эльф. — Или ты берешь себе нормальный гномий ужин, или, клянусь, я напичкаю тебя салатами так, что лопнешь!

— Э-э... — Севент быстро добавил к пиву и гамбургеру мясной рулет и грибы. Элет довольно улыбнулся, отдавая официантке заказ.

— Итак, Севент, — эльф усмехнулся и поднял бокал с вином, — за наше знакомство и дружбу!

Гном пробурчал нечто одобрительное и обхватил мозолистой ладонью кружку с пенящимся пивом...

...В лифт, ставший теперь родным и знакомым, они вернулись уже веселые и смеющиеся, как будто были знакомы всю жизнь. Гном, раскатисто гогоча, втолковывал Элету последние грубые шутки в адрес главы Корпорации, которыми шахтеры обменивались во время работы. Эльф дипломатично хихикал и слушал с искренним удовольствием.

Зайдя в лифт, друзья как по команде уселись на свои чемоданчики, и, достав из карманов трубки, закурили их, освобождая необходимое для жизни и общения пространство. Когда лифт, треща решетками, добрался-

таки до нулевого этажа, гном, весело срыгнув, поднялся на ноги, и, покачиваясь, поплелся к выходу из здания, видневшемуся темным провалом. Вывалившись на улицу, он вдохнул холодный, скрипящий на зубах зимний воздух и хлопнул подоспевшего эльфа по плечу.

— Ты... настоящий э.. хик!

— Я настоящий Э-хик? — эльф потер покрасневшийся лоб. — Ну, спасибо, дружище.

— Не-е-е... — Севент глупо улыбнулся, чувствуя, как падают на лицо снежинки. — Ты нас-с-стоящий эльф! Хик!

— Ты тоже вроде не поддельный гном, — Элет поднял стоящий на земле чемодан и пошел к остановке.

Гном заторопился следом.

— Подожд-жд-и!

— Чемодан не забудь! — весело крикнул эльф. — Я пока кэбби поймаю!

Гном сжал левую ладонь и вспомнил, что в ней должна привычно лежать облупленная, старая ручка его чемоданчика, и побежал назад — к центральному входу в здание Корпорации. К счастью, чемоданчик был еще там. В этот поздний час стоянка у дверей была пустынна, и по ней катались лишь смятые листки бумаги да пестрели на снегу трупы раздавленных сигарет.

Эльфа нигде не было.

Уже подбегая к остановке, Севент увидел исчезающий в темноте белоснежный кэбби, сверкнувший на прощание фарами.

— Сволочь, — пробурчал гном, усаживаясь на чемодан. — Хоть и мой друг.

...Серо-рыжее небо, переполненное дымами заводских труб. Севент опустил голову и сплюнул. Лучше уж смотреть на землю, покрытую заснеженным серым панцирем асфальта. Он побрел мимо выщербленных кирпичных стен, облепленных пожелтевшей бумагой объявлений и разноцветными рекламными плакатами.

Мимо пронесся кэбби, обдав гнома ледяной водой из луж растаявшего снега. Севент проводил уносящийся в рыжий туман белоснежный экипаж потоком отборной брани и агрессивной жестикуляцией. При этом он выронил чемоданчик, наклонившись за которым почуял неладное: ручка чемодана не была выщербленной, с обсыпавшейся белой эмалью, к которой он успел привыкнуть до такой степени, что не сразу заметил разницу. Теперь ручка сияла белизной только что купленного, все еще пахнущего фабричной свежестью чемодана.

Обуреваемый неясными предчувствиями, он уселся посреди дороги и открыл чемодан. Кремовые листки бумаги, чистые и исписанные аккуратным почерком, тут же выпорхнули на волю, подгоняемые порывами утреннего ветра. Гном с руганью изловил их и прижал к земле, пресекая все попытки к бегству. Листки затрепыхались, шелестя и умоляя бородача отпустить их. Один из предметов, завалившийся в угол чемоданчика привлек внимание Севента; взяв его в руки и недоуменно повертев, он чертыхнулся: это была выполненная в форме цветка розы зажигалка.

Отдел маркетинга напомнил Севенту кроличью нору. Одетые в аккуратные пиджаки, сотрудники Корпорации носились по серым коридорам с вызывающей благоговейное восхищение скоростью. Гному с трудом удалось изловить одного из них. Это был халфлинг с длинной фиолетовой полосой закрашенной седины на рыжей голове. С халфлингами такое часто случалось. Всем известно, что эти коротышки — эксцентрики и дальтоники.

Гном помог полурослику подняться — остановить рыжего коротышку удалось, лишь бросив ему под ноги злосчастный чемодан.

— Где здесь работает Элет? — спросил Севент, важно поглаживая серую бороду.

— Не знаю такого, — пропыхтел халфлинг с явным намерением рвануться дальше по одним ему известным делам.

Шахтер ловко поставил ему подножку и снова помог подняться.

— Он эльф, — добавил Севент, надеясь, что такое уточнение прочистит обладателю фиолетовой седины голову.

В конце концов, Элет упоминал, что работает в Корпорации недавно, а значит, сослуживцы могут не помнить его имени.

Халфлинг, по непонятным для гнома причинам, скрипуче засмеялся. Севент подождал секунд десять, после чего ударил рыжеволосого чемоданом по крашеной голове. Мохноногий коротышка сел на пол. Помогать ему подняться Севент не собирался.

— Это очень невежливо, — заметил халфлинг.

— Почти так же, как смеяться над чужими вопросами.

— Просто не родился еще на свете такой эльф, который бы пошел работать в отдел маркетинга. Это очень известный анекдот.

— Получается, что я случайно спутал чемодан с анекдотом? — угрожающе хмуря брови, спросил гном.

— Это ваша проблема, — буркнул халфлинг и с неожиданной прытью вскочил на ноги и умчался по серому коридору, сверкая рыжими пятками.

Гном, не найдя другого выхода, поставил чемодан на пол и уселся на нем, обхватив голову руками в приступе глубокого раздумья, что с ним в последнее время случалось крайне редко.

«Как так, нет такого сотрудника? Я-то всю жизнь думал, что эльфам самое место в рекламном бизнесе — улыбка на все тридцать шесть зубов! Что же теперь делать? Где искать?..»

Вывел его из этого состояния транса прозвучавший гонг, означающий начало смены. Севент, спохватившись, вскочил, и, прижимая к груди эльфов чемодан, понесся к лифту.

Закончил поздно. Снова, положив кирку и затушив лампу, двинулся по бесконечно длинному серому коридору в душевую. Принял выговор от прораба за поломанный телефон, обещал исправиться, и, стоило тому скрыться за дверью — разнес новый аппарат с удвоенным усердием. Так он оставался вне подозрений: какой кретин, извинившись, тут же возьмется за старое?

Пожалуй, только такой, который умудрился спутать чемодан с анекдотом...

Мысль о чемодане вернула гнома к реальности. Усевшись на скамейку, Севент подтащил к себе злосчастный чемодан и открыл его, надеясь найти внутри хоть какой-то намек на место нахождения своего нового друга.

Цветок-зажигалка, листки бумаги, исписанные аккуратным почерком, два гусиных пера и засушенный кленовый лист, выпавший из маленького черного блокнота. Все. Порывшись еще немного, он обнаружил закатившееся в угол чемодана яблоко, алое и сочное — так и хочется укусить. Подавив искушение, он положил яблоко на место. Захлопнув чемодан, Севент задумчиво уставился на выстроившиеся в ряд семь шкафчиков его бригады.

«В конце концов, что я так переживаю из-за какого-то чемодана? Чемодан как чемодан».

...Мохнатый дымный шмель носился у остановки, наворачивая спираль вокруг почерневшего от его испарений фонарного столба. Повинуясь долгу любого порядочного гражданина, Севент раздавил его, размазал останки несчастного о тонкую белую полосу бордюра и усмехнулся.

— Какая жестокость! — воскликнул знакомый голос, заставивший гнома вздрогнуть.

— Эльф! Где ты был? Какого черта наплел мне, что работаешь в отделе маркетинга?!

— Вопросы, вопросы... — Элет покачал головой, протягивая гному руку. Севент схватил ее и изо всех сил сжал, заставив эльфа недовольно поморщиться. — Руку можешь отпустить. Мне она пригодится больше, чем тебе.

— Никто не смеет надо мной издеваться! Где мой чемодан?! — взревел гном.

Эльф усмехнулся и протянул гному его чемоданчик — старый, с облупленной ручкой. Севент недоверчиво оглядел его и взял, все еще недовольно буравя эльфа взглядом. Элет весело улыбаясь, взял свой чемоданчик и повертел его в руках.

— Если обмен «дипломатами» прошел, то, полагаю, следует перейти к переговорам, — тут он нахмурился. — Ты ведь его не открывал, верно?

— Открывал, — буркнул гном, — хотел узнать, кто ты такой.

— Но яблоко не ел? — взгляд эльфа стал ледяным и Севент невольно удивился, едва выдерживая натиск двух синих ледышек.

— Нет. Не ел, — медленно проговорил он, изумленно наблюдая, как растаивают озера эльфийских глаз.

— Тогда все в порядке, — эльф вытащил из злосчастного чемодана алое яблоко и закрутил его на пальце. — Это мое яблоко.

И, к удивлению Севента, вновь спрятал яблоко в чемодан.

— Ты не ответил на мой вопрос, — возвращая прежнее самообладание, пробурчал гном.

— На который из них? — эльф невинно улыбнулся. — Ну ладно, ладно, не кипятись. Я действительно не работаю в отделе маркетинга. Но ведь это ничего не меняет, я по-прежнему твой друг.

— Черта с два! Это неправильно. Друзья так не делают.

— Ты когда-нибудь дружил с эльфом? — усмехнулся Элет.

— Нет. И теперь понимаю, что был прав! — Севент сплюнул и направился к притормозившему неподалеку кэбби.

Эльф, все так же криво улыбаясь, остановил его, положив руку на плечо. Севент хотел сбросить тонкую ладонь, но, к своему изумлению, не смог этого сделать. Кэбби, не дожидаясь решения их спора, моргнул алыми фарами и унесся в фиолетовый туман, медленно оседающий на землю. Гном проводил его полным точки взглядом.

«Сейчас я двину этого эльфа по носу...»

— Пара слов, приятель, — Элет отпустил его, — и, клянусь, тогда ты поймешь, что не следует со мной ссориться.

— Ты мне угрожаешь?! — проревел гном, роняя на землю чемодан.

— Чемоданчик подними, не то опять потеряешь, — ровным голосом произнес Элет, хотя любой на его месте уже бежал бы прочь, едва увидев разъяренного гнома.

Севент покраснел.

— Говори что хотел. Все равно я теперь отсюда не скоро уеду...

— Пара слов, — эльф поднял сжатую в кулак ладонь с двумя оттопыренными пальцами, — или немного больше...

— Кролик, — буркнул гном, глядя на руку эльфа.

— Что? — не понял Элет.

— Кролик — животное такое, — пояснил гном, — в харчевне через дорогу подают хорошего жареного кролика. Когда я съем его, то подobreю. А когда ты платишь за жратву, то нравишься мне больше...

Улыбка эльфа стала несколько беспомощной.

Черный снег выпал поздно вечером. Он падал на землю с тихим шелестом, отчетливо слышным в пустынном лабиринте серых улиц. Утренние лужи покрылись голубым льдом, а посреди двориков, возле сломанных, заброшенных каруселей начали расти первые снеговики. Севент смотрел на них неприязненно — завтра они скроются среди черных теней, подкарауливая всякого неосторожного...

Голова немного кружилась от выпитого пива. Каждые двадцать шагов гном останавливался и открывал чемодан, ожидая увидеть там розу-зажигалку и алое, сочное яблоко, но вместо этого наталкивался взглядом на свою медную, пропахшую бензином и потом зажигалку, лежащую на скомканной горе украденных в столовой салфеток, приговоренных к скорому скручиванию и сожжению. А в голове звучал разговор с Элетом...

— Скажи мне, друг Севент, почему никто не помнит имен второстепенных персонажей? — спросил эльф, выдыхая тонкую струю белого дыма.

— Это как, второстепенных? — Севент оторвался от косточки жареного кролика, которую обгладывал последние пять минут.

— Ну... ты, к примеру, помнишь, как звали сестер Золушки?

— Не-а. А как? — спросил гном.

— Вот и я не помню. В этом-то вся и проблема, — покачал головой Элет, осматривая свои пальцы. — Точно так же, как никто не помнит, как звали семерых гномов Белоснежки...

Севент вздрогнул, но промолчал, вертя в огромных руках кость.

— Или рыцарей круглого стола, всех без исключения...

— Чего уж проще. Возьми книгу и прочитай, а лучше выучи наизусть, — посоветовал гном.

— Нет. Это было бы как-то неправильно, — не согласился эльф и снова потянулся к трубке, буравя Севента ледяными глазами, — как будто я подыгрываю им, специально выделяю для себя. Нужно, чтобы их имена запоминали после первого прочтения непредвзято настроенные читатели — тогда все будет правильно.

— Тогда они ведь не будут этими... второстепенными, что ли? — Севент отбросил обглоданную кость в сторону — от этого дурацкого разговора у него пропал аппетит.

— В этом-то и весь парадокс, — вздохнул Элет, — в этом-то вся несправедливость...

Гном медленно кивнул и приложился к пиву, эльф последовал его примеру.

...Севент подошел к черному снеговику и показал ему два оттопыренных пальца — указательный и мизинец.

— Кролик! — заявил он пьяным голосом и скосил глаза на свою руку, жест которой на языке глухонемых означал слово: «yes». — Больной кролик...

Недолго думая, гном ткнул лишнего морковки носа снеговика в черные бусинки глаз и бросился бежать. Позади него раздался рев разозленного чудовища. Он споткнулся о карусель...

— А ты почему с забинтованным коленом? — проревел прораб, глядя на Севента с высоты своего двухметрового роста. В углу рта огромного, покрытого черными волосами верзилы торчала толстая сигара.

— О карусель споткнулся...

— Че-е-его?!

— Но работать могу...

— То-то, — прораб выплюнул огрызок сигары и растоптал ее сапогом.

— Вчера нашел в твоём туннеле окурок, еще раз увижу — убью...

Не считая нужным что-либо добавить, он развернулся и удалился, помахивая хвостом. Севент проводил его неприязненным взглядом и покосился на раздавленную сигарету.

— Окурок он нашел, видите ли... сволочь усатая.

...Кирка скользила по камням, высекая искры. Севент работал, пока руки не начали нестерпимо болеть, а горячий пот — заливать глаза. Усевшись на грудку поломанного камня, он опустил огромные мозолистые руки и уставился под ноги. Перед глазами мелькали красные сполохи в память о россыпях искр, которые он наблюдал последние два часа.

Вытащив из-за пояса трубку с золотым мундштуком, он набил ее трубочным зельем.

«Окурки ему, видите ли, не нравятся...»

Накурившись вдоволь, Севент подтащил к себе чемодан и вытащил из него бумажную салфетку, аккуратно смотал ее, бросил на пол и втоптал, предварительно посыпав пеплом.

В душе он всегда был бунтарем.

Тонкий огонек масляной лампы метался на кончике фитиля в предсмертной агонии. Когда он потух, Севент оказался в крошечной тьме. Ничего. Даже темнота лучше обыденной серости.

— Знаешь, в чем наша проблема? — спросил его Элет, когда они в обнимку вышли из харчевни.

Черный снег только начинал падать, и никаких снеговиков не было и в помине, лишь в темных подворотнях медленно росли первые кочки не растаявшего снега...

— В том, что мы сейчас нипочем не поймем кэбби, — уверенно заявил Севент.

— Нет. В том, что нас окружает серая обыденность, — меланхолично заявил эльф.

— Не-е, — протянул шахтер, лоя языком черный снег. — Сейчас все черное. И фиолетовое. А лужи вообще голубые. Хе.

— Я не о том, — махнул рукой Элет. — Мы с тобой серые. Ты и я.

— А я думал, что это халфлинги дальтоники...

— ...У меня такое чувство, что мы с тобой второстепенные персонажи какой-то сказки. И эта сказка не про нас. Поэтому все вокруг для нас серое и обыденное, вот посмотри... — эльф порылся у себя в чемодане и вытащил

шариковую авторучку. Севент нахмурился, — когда он рылся в чемодане, то видел только гусиные перья.

Элет поцелкал ей перед лицом гнома.

— Это — меч современности.

Севент посмотрел на него как на умалишенного.

— Нет, ты просто подумай, — эльф перехватил ручку и махнул ей в воздухе, словно рапирой, — триста лет назад наши предки решали все спорные вопросы, извлекая мечи и кроша друг друга в кровавый гуляш. Красиво, правда? Именно так рассказывается об этом в сказках и легендах. Красиво. Сейчас же стоит запахнуть жареным, как на сцене появляется шариковая ручка и корявым почерком подписывает банковский чек, контракт или распоряжение об увольнении. Все. Видишь красоту?

— Нет.

— Вот и я не вижу. Хотя она должна быть... ведь будут же рассказывать про нас легенды и сказки наши далекие потомки. Они эту красоту увидят, так же, как мы видим ее в нелепом размахивании тяжелыми железяками. Мы с тобой видим лишь серость обыденности. И это лишний раз доказывает, что эта сказка не про нас...

Севент встал, хрустя суставами, и, не зажигая лампы, поплелся к серому пятну, обозначавшему выход из туннеля. Некоторые представляют так свое посмертие. Глупые.

Возле семи шкафчиков его бригады гнома ждало разочарование — телефон поставили металлический. Тот самый, из его кошмаров, который невозможно разбить хорошим ударом о стену. Севент упал на скамью и

закрыл глаза руками. Так они скоро и пожарную сигнализацию в лифте поставят. Или поменяют лифт — на новенький, с иголки, без красивой узорчатой железной решетки и скрипучего медленно хода. Без лифтовой демократии и сиделок на чемоданах...

Гном встал, поплелся в забой и вернулся с киркой. Разбив телефон вдребезги, он бросил инструмент, привстал на цыпочки и куском угля написал на серой стене: «Прораб — дурак».

— Ты знаешь, я почти каждый день ворую салфетки в столовой и бросаю окурки в своем забое, — признался он Элету, — а иногда разбиваю стоящий в коридоре телефон...

— А я, думаешь, просто так ряжусь сотрудником отдела маркетинга?
— пожал плечами эльф. — Все это попытки разбавить серость. Нелепые, конечно. Ты все также работаешь в шахте, а я живу в лесу. Потому что нам так положено.

Выйдя на улицу, гном поплелся к остановке кэбби, поглядывая на рыжее небо. Сгорбившись, он шествовал мимо серой стены, мимо рекламных плакатов с фотографиями главы Корпорации. Подошел к месту, где вчера растоптал дымного шмеля и поворошил ногой его останки. Ветер тут же подхватил их и унес в туман.

По асфальту дороги полз наполовину растаявший черный снеговик, волоча за собой окровавленную метлу. Пронесшийся мимо кэбби переехал его, оставив на сером панцире дороги только мыльные пузыри растекшегося черного снега.

Севенту стало жаль снеговика. Наверное, ему тоже было так положено

— Вот и халфлинги притворяются дальтониками и красят волосы в зеленый и фиолетовый цвета. Но при этом носятся по коридорам как жареные кролики и остаются редкими пронырами...

— Грустно как-то это все, Элет. Получается, что мы второстепенные персонажи?

— Получается, что так...

Севент подобрал метлу снеговика, чтобы убрать ей остатки несчастного в сточную канаву — нечего пугать прохожих. Закончив свое дело, он бросил метлу рядом с покойным и занял свое прежнее место на остановке, теребя ручку чемодана...

— А знаешь, в чем наша главная проблема? — спросил Элет.

— В чем?

— Мы не в состоянии нарушить ни одного серьезного правила. Все наши выходы, по сути, так же серы и вторичны, как и мы сами. Разбитый телефон, окурки в коридорах, крашенные волосы... все, чтобы обратить на себя внимание будущих читателей. Все это глупо и бесполезно — кому будет интересно читать сказку про гнома, который ломал телефоны и курил в лифтах и эльфа, который рядился под коммивояжера?

Гном молчал.

— Никому, — ответил за него Элет. — Чтобы заинтересовать, надо совершить подвиг. Спасти принцессу, убить дракона, найти сокровище. Именно такие банальности прежде всего интересуют читателей.

— Ну так в чем проблема? — в недоумении воскликнул гном. — Давай сюда свой меч современности и за дело...

— Проблема в том, что всех драконов разобрали музеи и киностудии, принцесс сожгли, когда ведьмы закончились, а сокровища выкопали бездомные археологи, — безрадостно сообщил Элет, пощелкивая своей ручкой.

— Но ведь так нечестно! — возмутился Севент. — Нужно что-то делать...

— Да, и я даже знаю что.

«Яблоко. А ведь оно мне сразу не понравилось...»

Кэбби остановился перед ним, распахнув двери. Машинист указал гному рукой — залазь, мол, долго ждать не буду. Стоящий на остановке Севент сжал потной ладонью ручку чемоданчика.

— На любое действие мы найдем противодействие, — Элет ухмыльнулся и завертел красный плод на пальце, — если все геройские поступки нашего времени разобраны, то почему бы не войти в историю, совершив великое злодеяние?

— Ну, потому что за это могут убить, — почесал затылок гном.

— За геройство тоже часто убивают, — фыркнул эльф, — только об этом редко пишут. Здесь, дорогой друг, мы подходим ко второму парадоксу современности...

Машинист махнул рукой и, дернув за рычаг, привел кэбби в движение. Сверкая белоснежным корпусом, оно скрылось в тумане, обдав Севента теплой водой из растаявших голубых луж. Ругаться он не стал. Это тоже было обыденно.

— Что происходит с персонажами, которые нарушают действительно суровые, я бы даже сказал, фундаментальные правила? — Элет казался очень довольным собой.

— Они умирают?

— И даром бы просто умирали, — сжал зубы эльф, — их превращают в соляные статуи. Оруженосцы, выступающие вместо рыцарей против драконов, сгорают, так и не произнеся своих, быть может, самых важных в жизни слов, глупцы, вызывающие джинов вместо Синдбада, становятся

жертвами обмана и об этом лишь упоминают вскользь. Правила нарушаются, редко, но нарушаются, и за это приходится платить.

В столовой его ждал неприятный сюрприз: бумажные салфетки больше не выдавали. Севент уныло поплелся к своему столику, гадая, где он еще возьмет столько бумаги на самокрутки. Гамбургер был пресным и безвкусным, как всегда. Основной его составляющей был холестерин.

«Интересно, когда через три сотни лет молодые гномы будут читать про наше время в учебниках истории и наткнуться на фразу “тогда они ели на обед только гамбургеры”, будут ли эти чертовы крысиные отбивные казаться им вкуснее, чем мне?!»

Все это было чертовски несправедливо. Перед глазами гнома всплыл его предок в ржавых помятых латах и рогатом шлеме, с боевым топом в руках:

— Жареный барашек?! — взревел он, потрясая своим оружием в ответ на незаданный вопрос Севента. — Да меня тошнит уже от этой гадости!

«По-моему, я начинаю сходить с ума...»

— Яблоко, — эльф легко крутил его на своем пальце. — Это плод мифический и легендарный. Яблоко раздора, молодильные яблоки, яблоко познания... С яблоком связано изгнание людей из райского сада, что уж там познали Адам и Ева, откусив от него — это не важно. Важно лишь само яблоко. «Ибо оно суть мистерии магической и тайной».

— Ты предлагаешь мне яблоко? — гном срыгнул и пьяными глазами уставился на крутящийся фрукт.

— Вот еще! — возмутился Элет. — Это мое яблоко. Сочное, красивое, спелое — и не серое! А знаешь почему? Потому что оно таит в себе сладостный секрет.

— Что еще за секрет? — удивился гном.

— Это не важно. Пока что. Важно лишь само яблоко. Факт его, так сказать, наличия.

Севент откусил кусок гамбургера, пожевал его и сплюнул прямо на пол, залив остатками пива, после чего поднялся на ноги и вышел из столовой не оборачиваясь.

...На следующий день он пришел на работу с опозданием. Над городом ровным строем пролетали эскадрильи дымных шмелей, и дышать отравленным воздухом было тяжело и противно. Кирпичные стены острыми углами нависали над ним, сплетаясь над головой в чудовищные монументы.

Дворники убрали останки снеговиков их же метлами. Скоро все сточные каналы будут полны угля и моркови...

Возле разломанного железного телефона стоял прораб, постукивая сапогом по полу. Его пушистый черный хвост бешено дергался, что было явным признаком ярости. Увидев Севента, он решительной походкой направился к нему, грызя кончик сигары.

— Ей ты, урод?! Ты что о себе возомнил! — заорал он на гнома. Усы прораба топорщились во все стороны двумя белыми морскими ежами.

Севент молча достал автоматическую шариковую ручку и, агрессивно щелкая ей, потыкал в прораба. Тот зашипел и отскочил.

— Меч современности! — гордо провозгласил гном и направился в свой забой, натянув на голову шахтерский шлем с перегоревшей лампочкой. Уже из глубины забоя он развернулся и бросил прорабу. — Шпоры на сапогах почисти!

— Ничего, посмотрим, как ты запоешь перед главой Корпорации! — проревел ему вслед толстый черный кот, зачем-то напяливший алые дамские сапожки с нелепыми медными шпорами, на которые налип шмелиный навоз.

— Я, и-и-ик, обреченный в камень! — обнимая свободной рукой эльфа, провозгласил Севент.

— Обличенный в камень, — поправил Элет.

— Не перебивай! — проревел гном, стискивая мощной пятерней плечо друга. — Я обреченный! И-ик! Целыми днями рублю его киркой, потею и покрываюсь морщинами от напряжения, целыми днями выгребая из забоя осколки в поисках этих дурацких алмазов. А что, по сути, такое алмаз? Тот же камень... Я приговорен к этому чертовому камню, обречен к нему! В него...

Он закончил работу и, раздевшись, зашел в душ. Горячей воды не было, и гном долго стоял под ледяным потоком. Перед глазами плясали

искры. Когда Севент вышел, и, двигаясь немного скованно, оделся, довольный прораб подбежал к нему и сказал, нахально улыбаясь:

— Тебя хочет видеть глава Корпорации!

— Вот и славненько, — отозвался гном, и, взяв чемодан внезапно вспотевшими ладонями, направился к лифту.

Кот проводил его недоуменным взглядом.

— Мне нужна помощь седьмого гнома, — напрямик сказал ему Элет, протягивая яблоко. — Ты понял, что нужно сделать? Потом либо конец серости — либо соляные статуи...

...В лифте действительно поставили пожарную сигнализацию. Белый кружочек издевательски пялился на Севента с потолка. Когда гном вошел в лифт, двое рабочих как раз занимались тем, что откручивали узорчатую железную решетку. Севент поставил чемодан на пол и уселся на него. Лифтовая демократия в этот раз почему-то не подействовала ему на нервы, перед глазами все еще вертелось яблоко.

Он вышел на последнем этаже и направился по длинному коридору, выкрашенному в густой серый цвет. Дымный шмель, неизвестно как миновавший металлопластик окон, метался между закрытыми дверями. Гном не обратил на шмеля никакого внимания и остановился у огромной двери кабинета главы Корпорации. На висящем у двери огромном фото обворожительно красивая молодая женщина принимала приз за вклад в развитие большого бизнеса — золотую корону. Чем не принцесса?.. Севент вежливо постучал в дверь и вошел.

Кабинет был огромен, гораздо больше даже его шахты. На огромном троне восседала глава Корпорации, задумчиво поглаживая руками

подлокотники. Шахтер медленно двинулся к трону, осматриваясь по сторонам, он знал, что все это великолепие было создано его трудом, его обреченностью в камень...

Гном остановился перед ней, держа во вспотевших руках чемоданчик.

— Севент, — ласково проговорила она, вертя в руках золотую корону, — я слышала, что ты в последнее время плохо работаешь. В чем дело?

— Э-э... рутина достала, — пробурчал гном, глядя в пол. Он почему-то внезапно почувствовал себя провинившимся школьником. — Вся эта работа однообразная...

— Ну так возьми выходной, — пожала плечами принцесса и улыбнулась.

— Э-э... да, конечно.

— Можешь идти.

Он нервно кивнул, развернулся и пошел к выходу, медленно печатая шаг по мраморным плитам пола.

«Что, вот так и уйдешь? Вот так все бросишь? Будешь целый день пялиться в потолок, а потом вернешься в шахту, к обыденной серости?! Всех драконов убили, всех принцесс разобрали, а сокровища поделили, и не ты в этом виноват...»

Он развернулся, мучительно медленно. Открыл чемодан и достал алое яблоко.

— Это вам.

— О, спасибо! — она благодарно приняла яблоко и надкусила его. — Какое вкусное...

На мгновение ему захотелось выбить фрукт у нее из рук. Но он сдержал себя и вышел из огромного кабинета. Привалившись спиной к дверям, седьмой гном довольно ухмыльнулся:

— Спокойной ночи, Белоснежка.

Потом он вызвал лифт, спустился в шахту и, взяв свою кирку, долго рубил камень.